

Класс разразился бурными аплодисментами, когда Невилл принял зелье, и Имоджин с удовольствием отметила, что к ним присоединились не многие слизеринцы. Когда аплодисменты стихли, Имоджин подняла руку.

- Да, Имоджин?

- Профессор Снейп, - сказала Имоджин, вставая, - Такое мощное зелье обязательно будет иметь побочные эффекты, даже если оно сделано в совершенстве. Что случится с человеком, если он будет регулярно принимать Астурийское Зелье?

- Отличный вопрос. Есть ли у кого-нибудь мысли о том, каков может быть эффект? - любой, кто хорошо разбирается в травологии, мог бы рискнуть сделать разумное предположение, и Снейп проигнорировал руку Невилла, потому что мальчик уже достаточно преуспел на сегодня. Рука Малфоя тоже тут же взлетела вверх.

- Малфой?

- Из-за ингредиентов, я думаю, что длительное, частое использование может привести к болезни сердца. Даже в краткосрочной перспективе нагрузка на сердце будет значительной.

- Отлично, Малфой. Десять очков. Эффект наперстянки не полностью маскируется другими ингредиентами. В малых дозах наперстянка является отличным сердечным лекарством, но в больших она может остановить сердце в мгновение ока. Пожилым и немощным было бы крайне неразумно употреблять Астурийское Зелье. На самом деле, оно чаще всего используется мракоборцами, и только младшими, когда они находятся на миссии, которая требует значительной скрытности. Я принял только очень маленькую дозу, но мой пульс несколько повышен. В моем возрасте я не стал бы рисковать большей суммой.

Позже за обедом Имоджин болтала с Невиллом о его планах на предстоящие каникулы. Первые несколько дней ему предстояло провести с бабушкой, но после этого он собирался навестить кузенов в Бельгии и был очень взволнован. Но затем его лицо нахмурилось.

- Если бы я не брал с собой чемодан, то оставил бы в нем Астурийское зелье. Но мой чемодан возвращается домой вместе со мной, и последнее, что мне нужно, это чтобы бабушка увидела это зелье и начала задавать вопросы. Она думает, что я некомпетентен, и, вероятно, отнимет его у меня. Имоджин, можно я оставлю его у тебя?

- Я позабочусь об этом для тебя, - сказала Имоджин. - Я тоже уеду из Хогвартса, но мой чемодан останется здесь, и если ты не возражаешь, я оставлю зелье там. - Имоджин взяла с собой только книги, волшебную палочку, два комплекта маггловской одежды и сову - больше ей нечего было взять с собой.

Был уже вечер, и школа почти опустела. Обед прошел довольно мрачно: несколько студентов из разных домов сидели за одним столом и почти не разговаривали. У других учеников были

разные причины застрять в школе. Некоторые из них были сиротами, как Гарри, благодаря Волан-де-Морту, и не имели дома, куда можно было бы вернуться. У других родителей не было дома по работе, и они были слишком молоды, чтобы быть предоставленными самим себе. Имоджин понимала, что с ее стороны было бы жестоко упоминать, что в это воскресенье она покидает Хогвартс, поэтому промолчала. Имоджин тайком сунула в карман несколько булочек и, сделав вид, что закончила есть, извинилась.

Она вышла из Большого зала и, вместо того чтобы вернуться в общую комнату, где не было друзей, накинула плащ, который принесла с собой, вышла через главные двери и спустилась по ступенькам на школьную территорию. Солнце уже давно зашло, и школа превратилась в темный безмолвный силуэт с единственным окном, освещенным свечами или факелами. Единственное, по чему Имоджин могла судить, что небо не совсем черное, - это по высоким башням Хогвартса, едва различимым и даже более темным, чем затянутое тучами зимнее небо.

Запретный лес тоже был едва различим, огромная масса черноты, из которой время от времени доносился звук какого-либо ночного существа. Имоджин слышала что-то похожее на предсмертный крик маленького млекопитающего, пойманного крупным хищником на опушке леса. Прислушиваясь к звукам вокруг, она медленно пошла к озеру.

Проведя почти четыре месяца в Хогвартсе, Имоджин наконец-то начала чувствовать себя почти в мире с самой собой. Ужасающее чувство безнадежной отсталости исчезло, и теперь она знала, что ее место в школе. Она больше не была чужаком, посещающим школу только по милости властей. Она знала, что была талантливой ведьмой и по праву училась в Хогвартсе.

Вдалеке, в направлении школы, Имоджин слышала слабый звук закрывающейся двери, легкий шум, который с неестественной ясностью разносился в зимнем воздухе.

Ей пришло в голову, что, возможно, лучшее место для ночлега - это не рядом с озером, глубины которого были еще более непостижимы, чем темные области Запретного леса. Она повернулась и направилась обратно к замку. Она не видела парадных дверей, и если бы не тропинка, которая вела ее, ей пришлось бы пробираться назад, ориентируясь по немногочисленным огням, видимым из замка.

Имоджин слышала шорох в отдалении и мгновенно замерла. Помолчав, она снова двинулась вперед и слышала тот же шум, возможно, ближе. Или, возможно, нет. Возможно также, что она не слышала ничего, кроме мыши. Ей хотелось, чтобы с ней были Фред и Джордж, а еще лучше - Гарри.

Имоджин могла бы осветить себе путь заклинанием Люмоса, но передумала. Ее волшебная палочка будет освещать пространство вокруг нее, но она также покажет ее присутствие любому в радиусе ста ярдов или больше. Имоджин не была уверена, почему мысль о том, что ее заметят, беспокоила ее, но тошнотворное чувство страха охватило ее при мысли о том, что за ней наблюдают здесь, в одиночестве. Поэтому она продолжала идти в темноте без помощи своей волшебной палочки. Она также намеренно замедлила шаг, решив, что будет разумно продолжать путь как можно бесшумнее.

В результате обратный путь к главному входу занял гораздо больше времени, и, благополучно вернувшись в школу, Имоджин выругала себя за беспочвенный страх.

Общая комната Гриффиндора была в полном распоряжении Имоджин. Во время каникул в школе был только один член ее факультета, третьекурсник. К этому времени девушка, вероятно, уже ушла в свою спальню, и Имоджин решила сделать то же самое.

В спальне было так странно, что она была здесь одна, но ее кровать была удобной, и Имоджин устроилась почитать. Она предпочитала свет, отбрасываемый ее волшебной палочкой под заклинанием Люмоса, свече, потому что это было намного легче для ее глаз. Кончик ее волшебной палочки излучал теплый свет от подставки рядом с кроватью. У Имоджин не было возможности читать для удовольствия с тех пор, как она приехала в школу, но сочинения Риты Скитер по истории были хорошей заменой. Сегодня вечером Имоджин читала статью Скитер "Об отношениях магглов и волшебников с 1850 года по настоящее время". Статья была достаточно интересной сама по себе, но больше всего Имоджин заинтересовали незначительные детали, упомянутые здесь и там, о которых читатель, как предполагалось, имел некоторое представление, но которые были откровением для Имоджин. Она не знала, что Дизраэли - волшебник, а Нильс Бор - сквиб.

Имоджин начала уставать, но вместо того, чтобы отложить книгу, она посмотрела на указатель, чтобы посмотреть, нет ли там чего-нибудь особенно интересного. Она перешла к последней главе, посвященной попыткам немногих известных маггловских ученых найти генетическую основу различий между ними и волшебниками. Но Имоджин не хватало знаний по математике и естественным наукам, чтобы следить за ходом дискуссии, и вскоре она задремала. Она произнесла заклинание, чтобы погасить волшебную палочку, и через несколько минут крепко заснула, положив голову на подушку. Ее последними мыслями перед сном были размышления о том, каково будет на площади Гриммо.

Имоджин показалось, что она проспала всего мгновение, когда она резко проснулась. Действительно ли она услышала какой-то шум или ей это приснилось? Но звук был похож на тот, что издавала дверь общей комнаты, которая в последнее время стала скрипеть, Филч был слишком ленив или слишком занят другими делами, чтобы починить ее. Это могла быть девочка с третьего курса, уходящая или приходящая. Имоджин посмотрела на будильник, чтобы проверить время. Было уже за полночь - невозможно, чтобы кто-то из студентов входил или выходил из общей комнаты в такой поздний час.